

Пушкин А.С.
(Музей Пушкина)

3.12.97

31

Вернисаж

05.12.97

Газета. - 1994. - 27 нояб. -
3 дек. - с. 9.

Музей - от слова муза

1 декабря открывается Московский дом Пушкина

В этом доме на углу Пречистенки и Хрушевского переулка Александр Сергеевич не жил и не работал, на балах не плясал, в карты не играл и вообще отродясь не бывал. Даже и с хозяевами не состоял в знакомстве. И все же для москвичей скоро сорок лет этот особняк, построенный по проекту Жиларди после пожара 1812 года, — истинный Дом Пушкина (в пике чинным петербуржцам с их Пушкинским Домом). Дом этот — памятник не только Пушкину, его судьбе и его эпохе, но и 60-м годам нашего века. Поре, когда «тайная свобода» так по-пушкински прорвалась в стихи, в вечера поэзии, в повальную высокую болезнь рифмоплетства и пение хором под гитару:

*А все-таки жаль, что кумиры
нам сняты по-прежнему
И мы по привычке
холопами числим себя...*

Музей Пушкина в Москве, открытый в 61-м, для очень многих стал лечебницей от холопства — царили в нем непривычные, неформальные кумиры. Ах, как пел здесь Козловский, как играли Юдина и Рихтер, что вытворял на сцене Ираклий Андроников. Первая посмертная выставка Надии Рушевой — здесь была, и последние прижизненные выставки Мавриной и Кузьмина — здесь, и полуопального Тышлера — тоже здесь; и опального Юрского

только здесь можно было услышать с «Графом Нулиным», и вовсе крамольного Бродского — здесь и более нигде, и Тарковского, Самойлова, Чухонцева, да мало ли еще кого... Одна из первых ласточек «оттепели», московский Дом Пушкина имел в конце 70-х — начале 80-х репутацию белой вороны: академики-пушкинисты выступали тут на ежегодных конференциях на равных правах с неконформистами от литературоведения — всех не назвать, но надо помянуть львиный рык Натана Эйдельмана, слышный, кажется, и на улице. Музей, назначенный быть в Москве Домом Поэта, именно Домом (не храмом, не складом, не офисом, не избой-читальней), — стал. Очень скоро забылось, что Пушкин здесь не жил и не работал — он был здесь при нас, на нашем веку. Почти столько, сколько прожил в своем. Не скрученный каким-то чудом в бараний рог, не разогнанный, не переваренный идеологическим Левиафаном, музей пал жертвой Хроноса: он попросту начал разваливаться. Крепился, держался и в заморозки, и в застой — перестройки и ускорения не одолел. И был закрыт: аварийное состояние, капитальный ремонт, а денег нет, и остался бы Пушкин (и мы вместе с ним) без дома, кабы не грядущий юбилей и не Юрий Михайлович Лужков.

Ну уж какой Лужков молодец, конечно, скажется в понедельник, при открытии. И какие чудотворцы архитекторы и реставраторы, и какие герои рабочие, и какие подвижники и умницы сотрудники. Они создали музей столь же авангардный для конца века, каким был в середине века тот, былой. Вдвое увеличилась площадь залов, в десятки раз — фонды, в основном за счет даров, и каких даров! От сердца люди отрывали фамильные реликвии: кто ломберный столик, кто портрет общих с поэтом предков, кто полотняную распашонку (по преданию — крестильную рубашку младенца Александра)... Вот уж действительно: с миру по нитке — Пушкину Дом! Замечательна идея новой экспозиции музея (авторы — его старожилы, академик РАО Наталия Михайлова и профессор Международной академии архитектуры Евгений Розенблюм): это не столько биография, сколько судьба поэта в контексте эпохи, продолжающейся доселе. Новый музей, пожалуй, еще свободнее прежнего от инерции восприятия Пушкина как и.о. Господа Бога в стране Советов: взамен бюста классика на парадной лестнице — Евтерпа, в Онегинском зале — Аполлон Кифаред, в бальном — Терпсихора, в траурном — Ниобея. А в центральном — лукавый Амур, видный изо всех дверей.

Мы самонадеянно привыкли числить Пушкина нашим современником; в новом музее нам напоминают, что на деле — мы его современники, соответственным образом надо бы и к нему, и друг к другу, и к самим себе относиться... Ремонт закончился, дом открыт. А вот главное — какой будет в нем

воздух, какие люди, какие речи звучат? Станет ли он Домом? Не одного Пушкина — всех обращающихся к нему: «Дай нам руку в непогоду...».

Когда мы с фотографом Евгением Крыловым бродили по залам, где еще не были размещены экспонаты, одни мраморные Музы сидели

по своим местам, и очень пахло краской, — мне вдруг послышался явственно аромат, дух того, былого музея. «Былого нельзя воротить...» Но очень хочется.

Михаил ПОЗДНЯЕВ,
боец пожарной охраны Музея
в 1975 г.

Евгений КРЫЛОВ